
ПАПА,
НЕ ЛЮБИ
ЕЕ
В. К. Косс

В.К. Косс
Папа, не люби ее

https://litres.ru/74702023
SelfPub; 2026

Аннотация

Три года после гибели жены мы с дочерью жили вдвоем. Я научился заплетать косы, собирать школьный рюкзак и отвечать на вопросы, от которых самому хотелось замолчать. Мне казалось, главное — быть рядом.

Потом я встретил Софью. С ней снова захотелось строить планы, смеяться за ужином и ждать сообщения на телефоне. Только моя десятилетняя Лера увидела в ней женщину, которая займет мамино место и заберет у нее папу.

Пытаясь никого не ранить, я скрываю встречи и откладываю разговоры. А когда решаю, что нам пора жить вместе, дочь собирает вещи.

Теперь мне придется услышать то, чего я так долго избегал. У дочери, которую я люблю, и у женщины, с которой хочу быть, есть право сказать мне «нет». И если я хочу сохранить обеих в своей жизни, начинать придется с собственных ошибок.

Содержание

Глава 1. Синий шнурок 4
Глава 2. Снимок, на котором меня нет 17
Глава 3. Двадцать минут до закрытия 24
Глава 4. Обычный мужчина 31
Глава 5. Третья чашка 38
Глава 6. То, что я не рассказывал 44
Конец ознакомительного фрагмента. 45

В.К. Косс
Папа, не люби ее

Глава 1. Синий шнурок

— Ты опять затянул, — сказала Лера.

Я ослабил резинку.

— Теперь?

Дочь посмотрела на себя в зеркало, повернулась в одну сторону, в другую и потянула прядь у виска.

— Теперь нормально. Только тут петух.

— Где?

Она молча ткнула пальцем себе в затылок.

За три года я усвоил, что петух — это не птица. Еще я различал сменку и физру, помнил, в какие дни нужен английский, и умел по сообщению «Пап, у нас завтра надо» определить, закрыт ли уже ближайший магазин. Но прическу, которую Лера выбрала для сегодняшней фотографии с классом, увидел впервые.

На экране ее телефона незнакомая женщина за двадцать секунд продела с волосами то, на что мы потратили пятнадцать минут.

— Там половину вырезали, — сказал я.

— Там написано: «Легко, справится каждый».

— Я бы хотел поговорить с этим каждым.

Лера фыркнула. Я разгладил волосы ладонью и закрепил последнюю прядь заколкой.

— Все. Больше не дыши до конца съемки.

Дочь тут же показательно вздохнула полной грудью и слезла с табурета.

В прихожей, возле выключателя, висела наша фотография с моря. Даша держала Леру на коленях, а я стоял рядом и щурился так, будто меня собирались не снимать, а допрашивать. Лере на снимке было четыре. Сейчас — десять, и она уже доставала до верхнего крючка, на котором раньше висела только моя куртка.

Она сняла рюкзак, который я повесил туда вчера.

— Пап, достанешь вечером мамин фотоаппарат?

Я как раз нащупывал в карманах телефон и ключи.

— Зачем тебе? У тебя же камера есть.

— На телефон все снимают.

— Удобно же.

— Я хочу на настоящий.

— Посмотрим.

Лера перестала тянуть молнию на рюкзаке.

— Ты в августе так говорил.

Я помнил. В августе мы собирались на день в Изборск, она попросила фотоаппарат, а я предложил ей мой старый телефон. У него была неплохая камера. Мне казалось, мы договорились.

— Нужно зарядку найти.

— Она в той же коробке.

— Если бы ты знала, сколько у нас коробок.

— В серой. Которая у тебя в шкафу наверху.

Она произнесла это без упрека. Просто сообщила, где лежит вещь, которую я никак не мог найти третий месяц.

Я посмотрел на часы.

— Достану вечером.

— Точно?

— Лер, я сказал.

Она кивнула и наконец застегнула рюкзак.

На лестнице я спросил про сегодняшний обед. Лера ответила, что в пятницу всегда рыба и ее никто не ест. Я напомнил про контейнер с бутербродами. Она сказала, что помнит. К фотоаппарату мы не возвращались.

Я проводил ее до поворота к школе. Дальше она шла с Улей: две минуты, которые они почему-то очень ценили и которые я старался им оставлять. Сначала обе девочки шли степенно, потом Уля что-то сказала, и они побежали. Рюкзаки подпрыгивали в одном ритме.

Я постоял, пока они не свернули за угол, и только тогда пошел к машине.

В рабочем чате уже ждали два сообщения. Одно — от диспетчера, второе — от Романа.

«Сомов, тебя сегодня кормить надо или ты опять со своим?»

Я сфотографировал контейнер на пассажирском сиденье.

«Свои макароны. Надежные, проверенные».

Роман прислал соболезнующий смайлик.

До обеда я успел выслушать женщину, уверенную, что лифт в ее доме останавливается слишком задумчиво, согласовать замену детали и два раза поговорить со школой. Первый раз — о потерянном мешке со сменкой, который нашелся до конца разговора. Второй — с Лерой.

— Ты только не ругайся, — сказала она вместо приветствия.

Я отошел от машины.

— Что случилось?

— Ключа нет.

— Совсем?

— Нет, пап. Немножко нет.

Голос у нее дрогнул, и я перестал задавать умные вопросы.

Ключ был на синем шнурке с карабином. Лера сама выбрала его перед первым сентября, потому что старый брелок с котенком стал «для маленьких». Мы потренировались открывать дверь. Договорились не носить ключ на виду, не подписывать адрес и звонить мне, когда она придет из школы. До сих пор все работало.

— Ты сейчас где?

— В гардеробе. У нас урок закончился.

— В рюкзаке смотрела?

— Я везде смотрела.

— Хорошо. Не ищи больше. Сегодня все равно к бабушке. Я ей позвоню.

— А вдруг кто-нибудь найдет?

— Тогда вернет. Мы же не адрес на нем написали.

Дочь помолчала.

— Я его утром из кармана доставала. У подъезда. Шнурок перекрутился.

— Вечером посмотрим.

— Он мог прямо там упасть.

— Лер, у тебя сейчас следующий урок. Иди. После школы напишешь мне, что у бабушки.

— Ты правда не сердишься?

Я прижал телефон к другому уху, чтобы ветер не забивал микрофон.

— Мне неприятно, что ключ потерялся. На тебя я не сержусь.

Она выдохнула так, будто до этого задерживала дыхание.

— Ладно. Пока.

Я набрал Тамару Ильиничну, потом открыл домовой чат. Между вопросом об отключении воды и фотографией чужой машины нашлось объявление:

«У первого подъезда найдены ключи. Один большой, один маленький, синий шнурок. Хозяин, отзовитесь».

Сообщение отправила Софья Руднева. На фотографии профиля она стояла у воды в желтой ветровке. Лица толком

было не разглядеть: ветер натянул капюшон почти до носа.

Я написал ей отдельно.

«Здравствуйте. Кажется, дочка потеряла. На большом ключе красная точка от лака?»

Ответ пришел минут через десять.

«Да, есть. На маленьком — буква М».

«Это наши. Вы сегодня будете вечером дома?»

«После семи. Я на пятом этаже. Могу сама занести, все равно вниз выходить».

Я поблагодарил, написал этаж и оставил номер на случай, если домофон опять закапризничает. Софья прислала свой.

Потом мне позвонил диспетчер, и до вечера я о ней не вспоминал.

За Лерой пришел в половине седьмого. В квартире Тамары Ильиничны пахло тушеной капустой. Дочь сидела на кухне, ела яблоко и что-то рисовала на обратной стороне рекламной листовки.

— Нашлись, — сказал я с порога.

Она подняла голову.

— Правда?

— Соседка подобрала. Вечером отдаст.

— Синий тоже?

— Синий тоже.

Лера соскочила со стула, подошла и уткнулась лбом мне в грудь. На секунду. Потом отступила и сразу спросила, что у нас на ужин.

— Макароны.

— Ты их на обед ел.

— Мы еще не все вопросы с ними обсудили.

— Глеб, возьми котлеты, — сказала Тамара Ильинична.

Она уже складывала их в контейнер. Спорить не имело смысла, да я и не собирался.

— И капусты?

— Капусту нет, — одновременно ответили мы с Лерой.

Тамара Ильинична посмотрела на нас и улыбнулась краешком рта.

— Ладно. Котлеты хотя бы съешьте.

Пока Лера искала второй носок, бабушка спросила, удалось ли разобраться с ванной. Во вторник там подтекало под раковиной. Я сказал, что да, все сухо. Она кивнула, потом все-таки добавила:

— Если что, не тяни. Ты и так все один.

— Тамара Ильинична, вы нас второй раз за неделю ужином снабжаете.

— Это разве помощь.

Я поднял контейнер.

— Не обесценивайте котлеты. У них серьезная задача.

Она покачала головой, но дальше спорить не стала.

Домой мы вернулись без пяти семь. Лера сразу пошла смотреть, не лежит ли ключ все-таки в щели между тумбочкой и стеной: после того как вещь нашли, искать ее оказалось особенно приятно. Я поставил воду, убрал котлеты в холо-

дильник и переоделся.

На работе я носил темную рубашку с эмблемой компании. Дома — выцветшую футболку, в которой на левом плече была маленькая дырка. Дырку я обнаружил только тогда, когда открывал дверь Софье.

В руках у нее были наши ключи и банка из-под кофе.

— Здравствуйте. Я с пятого.

— Глеб. Спасибо вам большое.

— Софья. Держите.

Она оказалась ниже, чем мне представилось по фотографии, с короткими темными волосами и веснушками на переносице. На ней был серый свитер. На запястье — резинка, хотя собирать в хвост там особенно было нечего.

Я взял ключи, а она протянула вторую руку — с банкой.

— И заодно вопрос. Вы не знаете, куда здесь сдают батарейки? На карте есть контейнер, но в магазине о нем впервые слышат.

— У нас на работе собирают. Могу забрать.

— Правда? А то я неделю выхожу с ними на прогулку.

Я посмотрел в банку. Батареек было штук восемь, не больше.

— Недалеко пока ходили.

— Они тяжело привыкают к новому району.

Я засмеялся, и в этот момент из-за меня выглянула Лера.

Софья опустила руку с банкой.

— Это твой ключ?

Лера кивнула.

— Спасибо, — сказала она.

— Он у скамейки лежал. Я сначала решила, что чей-то поводок.

— Он не такой длинный.

— Я без очков была.

Дочь посмотрела на нее внимательно, потом забрала у меня связку и проверила карабин. Щелкнула им два раза.

— Его надо внутрь кармана пристегивать, — сказала она.

— Хорошая мысль, — ответила Софья.

Она не стала добавлять, что внимательные дети ключи не теряют, и я был ей за это благодарен.

Из кухни донесся звук закипающей воды.

— Пап, убегает.

— Там вода. Некуда ей убегать.

Но я все равно обернулся.

Софья отступила к лестнице.

— Не буду задерживать. Приятного вечера.

— А банка?

Она посмотрела на нее, словно удивилась, что все еще держит в руках.

— Точно. Вот.

Я забрал банку. Наши пальцы на секунду соприкоснулись. Ничего особенного в этом не было. Тем не менее, закрыв дверь, я зачем-то переложил ее в другую руку.

— Она недавно приехала? — спросила Лера.

— Не знаю.

— Я ее раньше не видела.

Я поставил банку возле рабочей сумки, чтобы не забыть утром. Дочь проверила карман куртки, пристегнула карабин и несколько раз дернула шнурок.

— Теперь не потеряется.

— Отлично. Мой руки, сейчас поедим.

Ужинали под рассказ о съемке. На общую фотографию не попал Егор, потому что его мама перепутала время, зато попал чей-то младший брат, которого не могли отцепить от старшей сестры. Лера считала это несправедливым: Егор учится с ними четыре года, а маленький мальчик всего лишь пришел в раздевалку.

Я сказал, что можно сделать еще одну фотографию.

— Ты как будто не понимаешь. Там фотограф. Свет. Стулья.

— У нас тоже есть стулья.

Она закатила глаза.

— Пап.

— Все, молчу.

После ужина Лера занялась математикой, а я вымыл посуду и протер плиту. Потом проверил, что в квартире тихо, и достал из шкафа серую коробку.

Пылью она покрылась только сверху. На крышке сохранился белый прямоугольник от наклейки, которую Даша сорвала, когда решила, что коробка слишком приличная для

проводов и ее можно поставить в спальне.

Внутри лежали фотоаппарат в потертом чехле, три кабеля, переходник и наши старые телефоны. Один — с разбитым экраном. Даша уронила его в поездке и потом еще полгода водила пальцем по трещине, обещая: «В субботу точно отнесу».

Я сел на край кровати.

Тот телефон я уже не мог включить. Пробовал вскоре после аварии, потом еще раз зимой. Ничего важного на нем не оставалось — фотографии мы давно скопировали. Все равно выбросить не получалось.

Фотоаппарат был цел. На ремешке — след от зеленой краски. Даша красила скамейку на даче, а Лера ходила вокруг и требовала снять, как она сидит на свежем зеленом. Даше пришлось объяснять, почему снимок откладывается.

Эту историю я помнил. Можно было рассказать Лере.

Из ее комнаты донеслось:

— Пап, а тридцать шесть на шесть — это шесть?

— Да.

— А почему у меня пять?

Я положил фотоаппарат на стол и пошел разбираться.

К половине десятого математика сошлась, волосы были расчесаны, зубы почищены, а одежду на завтра Лера выбрала сама. Фотоаппарат стоял на зарядке. На боку у него горел маленький огонек.

Лера устроилась под одеялом и попросила не закрывать

дверь совсем.

— Утром проверим? — спросила она.

— Проверим. Если включится, возьмем на прогулку.

— К реке?

— Можно к реке.

Она потянула одеяло выше.

— Мы вдвоем?

— Конечно. Я же обещал.

Я выключил верхний свет и оставил полоску из коридора.

В гостиной лежала моя рабочая сумка. Банка с батарейками стояла рядом, и я вспомнил, что завтра суббота: если положить ее сейчас, два дня буду возить лишний груз и удивляться, что гремит.

На телефоне было сообщение от Софьи.

«У вас все нормально? Я подумала, вдруг не стоило при ребенке шутить про поводок».

Я перечитал и улыбнулся. За последние три года мне давали много полезных советов о том, как разговаривать с дочерью. За собственную неудачную шутку передо мной еще никто не оправдывался.

«Все нормально. Ключ пристегнут. Надежнее, чем дверь».

«Тогда спокойна. Спасибо, что взяли батарейки».

Можно было отправить «Не за что» и лечь спать. В понедельник я отвез бы банку, вечером сообщил, что дело сделано. Соседи помогают друг другу. На этом все.

Я посмотрел на Лерину дверь, потом набрал номер.

Софья ответила после четвертого гудка.

— Алло?

— Это Глеб. С третьего этажа.

— Я запомнила.

— Хотел спросить, банка вам нужна? Или вместе с батарейками сдавать?

Она помолчала.

— Глеб, вы же не из-за банки звоните?

Я прошел на кухню и прикрыл дверь.

— Нет, — сказал я. — Не из-за банки.

Глава 2. Снимок, на котором меня нет

Утром фотоаппарат включился с таким бодрым звуком, словно его убрали в шкаф только вчера.

Лера наклонилась к экрану.

— Он нас помнит?

На дисплее появилось предложение установить дату.

— Календарь забыл, — сказал я. — Остальное сейчас проверим.

На карте оказались старые фотографии. Дача, листья, чьи-то ботинки. Последний снимок Даша сделала из окна автобуса за неделю до той поездки, из которой не вернулась. Я узнал отражение ее руки в стекле и сразу нажал кнопку выключения.

— Зарядка плохая? — спросила Лера.

— Нет. Надо сначала сохранить то, что там есть.

Я подключил камеру к компьютеру. Дочь притащила стул и уселась рядом, положив подбородок на колени. На экране заполнялась полоска.

— Ты не сотрешь?

— Скопирую. Это другое.

— А потом сотрешь?

— На компьютере останется.

Лера спустила ноги на пол.

Я остановился. На работе мне хватало одной инструкции, чтобы объяснить взрослому человеку, какие кнопки не следует нажимать. Дома я почему-то считал, что дочь должна понимать меня с половины слова.

— Можем вообще ничего не стирать, — сказал я. — Купим другую карту. А эту подпишем и уберем.

— Где подпишем?

— На коробочке.

Она подумала и согласилась. Я показал ей папку, в которую скопировались снимки. Потом открыл еще одну, старую: там были те же фотографии, которые Даша когда-то сохраняла сама.

— Видишь? Здесь тоже есть.

Лера подвинулась ближе.

На первом снимке она сидела под столом, окруженная кастрюлями. Пухлая щека, четыре зуба, довольный вид человека, которому выдали собственную кухню.

— Это я?

— Нет, наш первый квартирант.

Дочь ткнула меня локтем.

— Почему под столом?

— Наверху мешали готовить.

Я открыл следующий снимок. Даша лежала на полу рядом со столом и тоже держала кастрюлю. На ней была моя растянутая футболка. Я совсем забыл, что она ее забрала.

— А мама зачем?

— В гости пришла.

Лера засмеялась, а я задержал палец на мышке. Даша на фотографии смотрела в сторону объектива. На меня. Волосы прилипли к щеке, на полу возле ее руки лежала игрушечная морковка.

— Пап, дальше.

Я закрыл папку.

— Дальше вечером. А то гулять не успеем.

В магазине у дома новая карта стоила дороже, чем я рассчитывал. Лера сразу предложила взять из своих денег, и мне стало стыдно за то, как я присвистнул у витрины.

— Я просто думал, дешевле. Покупаем.

— Я могу половину.

— Тогда половину булочки за мной доешь.

— Это могу.

К реке мы вышли после одиннадцати. Утром прошел дождь, на дорожках блестели лужи. Лера сразу остановилась у первой и долго направляла камеру вниз.

— Что снимаешь?

— Подожди.

Я встал рядом. В луже отражалось окно верхнего этажа. Ветер трогал воду, и рама медленно складывалась пополам.

— Давай лучше туда, — предложил я, показывая на реку.

— Я сначала это.

Я засунул руки в карманы и стал ждать.

На каждую вещь, которую я за десять лет научился не замечать, у дочери уходила отдельная минута. Мятая афиша. Лист, прилипший к железной ограде. Красная перчатка на ветке — слишком рано для перчаток, но кто-то уже потерял.

— У нас будет триста фотографий мусора, — сказал я.

— Это не мусор.

— Перчатка ничейная.

— Она на дереве. Как будто выросла.

Я посмотрел еще раз. На черной ветке действительно сидела маленькая красная ладонь.

— Хорошо. Снимай, пока не улетела.

У скамейки я купил кофе себе и какао ей. За столиком впереди пожилой мужчина кормил голубей из бумажного пакета. Лера спросила, можно ли его сфотографировать.

— У него спроси.

Она прижала камеру к животу.

— Сам спроси.

— Тебе же снимок нужен.

Лера постояла, потом подошла. Я видел, как она шевелит губами, но за шумом воды слов не слышал. Мужчина поправил кепку и выпрямился.

Снимок вышел совершенно другой: голуби ушли из кадра, мужчина смотрел прямо в объектив. Лера вернулась разочарованная.

— Он специально сел.

— Зато разрешил.

— А до этого было лучше.

Я протянул ей какао.

— Теперь у тебя есть фотография человека, который старался.

Она посмотрела на экран, потом снова на мужчину.

— Он красивый в кепке.

— Скажи ему.

На этот раз она пошла сама.

Обратно мы шли медленнее. Я нес пустые стаканчики и Лерину толстовку, которую она утром брать не хотела: «Совсем не холодно». У воды она остановилась и повернула камеру на меня.

— Пап, стой.

Я убрал стаканчики за спину.

— А что ты делаешь?

— Фотографирую.

— Я же ничего не делаю.

— Стоишь.

Я попытался выпрямиться. Лера опустила аппарат.

— Ты тоже.

— Что?

— Как дядя в кепке.

Я расслабил плечи, но уже не знал, куда смотреть. Дочь вздохнула и начала возиться с кнопками. Я повернулся к реке, ожидая, пока она разберется.

Затвор щелкнул.

— Теперь есть, — сказала Лера.

Вечером мы открыли снимки на большом экране. Я получился сбоку, с курткой через локоть, с помятой толстовкой поверх куртки, со стаканчиком, который так и не выбросил. На переносице лежала складка, которой я раньше не замечал.

— Удали этот, — сказал я.

— Почему?

— Старый какой-то.

— Ты такой и есть.

Я посмотрел на дочь.

— Спасибо.

Она испугалась, что я обиделся, и быстро добавила:

— Не старый. Просто ты.

Я увеличил фотографию. За моим плечом была видна вода, у ботинка — желтый лист. На рукаве толстовки засохло пятнышко какао. Я вспомнил, как держал стаканчик, пока она спрашивала про кепку, и вдруг захотел оставить все именно так.

— Ладно. Не удаляй.

Лера выбрала семь фотографий для печати. Свою с лужей, перчатку, мужчину, голубя без мужчины и еще три. Меня включила последним.

— Чтобы был, — объяснила она.

После того как дочь заснула, я открыл нашу общую папку. За последний год там было много Леры: на празднике, с но-

вым пеналом, на качелях, над тортом. Себя я нашел на трех снимках. На двух был обрезан.

Мы жили вместе, ходили по одним улицам, ели за одним столом. Если бы кто-нибудь восстанавливал нашу жизнь по фотографиям, я почти все время находился бы за кадром.

Я переслал сегодняшний снимок Роману.

«Дочь считает, что я такой и есть».

Он ответил быстро:

«Врет. Ты гораздо вреднее».

Потом написал:

«В среду иду с сыном в бассейн. Ты когда последний раз плавал?»

Я начал печатать привычное «Не получается». Остановился, открыл календарь. В среду Лера до семи была у бабушки, а я работал до пяти.

«Могу прийти».

Роман прислал адрес и ничего не добавил. За это я любил его сильнее, чем за все подмены.

Глава 3. Двадцать минут до закрытия

До бассейна мы добрались только через две недели. Сначала заболел Ромкин сын, потом у меня затянулась работа. В третью среду я уже был готов снова отказаться, но Лера сунула мне в сумку полотенце.

— Ты сам сказал, что пойдешь.

Она сказала это таким голосом, каким я напоминал про английский, что спорить стало невозможно.

В раздевалке Роман оценил мои плавки.

— Серьезно? Они еще живы?

— Надежная вещь.

— Я в таких на выпускной не пошел бы.

— В плавках на выпускной вообще спорное решение.

Его сын Кирилл захохотал. Роман ткнул в меня пальцем.

— Смотри, пацана дурному учишь.

Через пятнадцать минут мне было уже не до разговоров. Я помнил, что умею плавать. Тело считало иначе. На третьем круге мышцы взмолились, на четвертом я перешел на спину и решил изображать человека, который просто наслаждается жизнью.

На соседней дорожке женщина в черной шапочке плыла ровно, без видимых усилий. Доплыв до бортика, она сняла

очки и посмотрела на меня.

— Банка выжила?

Я едва не наглотался воды.

Софья держалась за бортик и улыбалась.

— Добрый вечер, — сказал я. — Банка дома. Батарейки сдал.

— Приятно встретить человека, который завершает дела.

— Не торопитесь с выводами. Я сюда месяц собирался.

Она поправила очки.

— Тогда мне повезло.

И оттолкнулась от стенки.

Я проводил взглядом ее мокрые плечи, потом поймал выразительный взгляд Романа.

— Соседка, — сказал я.

— А я спрашивал?

— Ты лицом спросил.

Кирилл потребовал, чтобы мы наконец устроили заплыв. Я проиграл ему на половину дорожки, потом помог найти очки, которые все время были у него на лбу. Когда выбрался в холл, Софья стояла у автомата с бахилами и пыталась запихнуть в сумку мокрое полотенце.

— Теперь неделю носить будете? — спросил я.

— Если не высохнет, заведу ему отдельный поводок.

Роман прошел мимо с сыном.

— Глеб, до завтра. Не забудь, у нас утром склад.

Я кивнул. Обычно в этот момент я уже искал ключи от

машины и считал, сколько минут осталось до того, как Лера устанет ждать.

Когда мы вышли из бассейна, было без двадцати восемь. Тамара Ильинична сама просила забрать внучку позже: они пекли пирог.

— Тут кафе через дорогу, — сказал я Софье. — Я его много раз видел снаружи.

— И как оно снаружи?

— Прекрасное.

— Надо проверить, совпадает ли содержание.

Кафе закрывалось в восемь. Девушка за стойкой предупредила об этом еще до того, как мы выбрали столик.

— Нам хватит, — сказал я.

Уверенность оказалась преждевременной.

Софья сняла куртку, и я увидел, что волосы у нее не темные, а каштановые, с рыжиной возле висков. В подъезде свет был плохой. Теперь я отметил эту разницу с нелепым удовольствием: будто узнал о ней что-то важное.

Мы заказали чай. Мне после воды вдруг захотелось сладкого, и я взял два куска морковного пирога.

— Я не обещала помогать, — сказала Софья.

— Это на случай, если первый окажется слишком маленьким.

Они оказались одинаковыми. Софья посмотрела на мой второй кусок, потом на меня.

— Трудная ситуация.

Я подвинул тарелку к ней.

Она рассказала, что приехала в Псков в июле. До этого жила в Петербурге, а работу перевела на удаленный режим еще раньше.

— Почему сюда?

— Потому что здесь однажды понравилось. Я сначала думала, что это плохое основание для переезда. Потом поняла, что хорошего у меня все равно нет.

— И понравилось второй раз?

— Пока да. Только батарейки сложно пристроить.

Я спросил про работу. Оказалось, она редактировала переводы руководств и инструкций. Порой спорила с переводчиками из-за одного слова полдня.

— У меня половина работы начинается после того, как кто-то неправильно прочитал инструкцию, — сказал я.

— Может, она плохо написана.

— Там крупными буквами: не открывать.

— А почему нельзя, объяснили?

— Потому что сломается.

— Вот так и надо писать.

Я попытался возразить. Она выслушала и спокойно разнесла мои доводы на части. Я поймал себя на том, что мне нравится не соглашаться с ней. Давно не было разговора, в котором от меня не ждали решения, подписи или ответа, купил ли я молоко.

— Вы давно в этом доме? — спросила Софья.

— Одиннадцать лет. После свадьбы переехали.

Я взял чашку. Поставил обратно.

— Жена тогда хотела квартиру ближе к центру. А я считал, что машине нужен нормальный двор.

Софья ничего не сказала. Я посмотрел на нее.

— Моя жена умерла три года назад.

Слова прозвучали отчетливо и слишком громко. За соседним столом мальчик ронял ложку, девушка за стойкой двигала стулья. Все происходило как прежде.

— Мне жаль, — сказала Софья.

Я кивнул.

— А Лера?

— Со мной. Ей десять.

— Я помню. Ключ.

— Да. Ключ.

Я приготовился к вопросу, как это случилось, или к словам о том, какой я молодец. Софья взяла вилку и сдвинула к себе последний кусочек пирога.

— Завтра у вас будут болеть плечи, — сказала она. — После такого перерыва надо было начинать медленнее.

Я посмотрел на нее, потом рассмеялся.

— Вы видели?

— Трудно было не заметить.

— Я думал, убедительно отдыхал.

— Очень. В какой-то момент даже стало тревожно.

Без десяти восемь позвонила Тамара Ильинична. Я сразу

поднял телефон.

— Все хорошо? — спросил.

— Конечно. Лера говорит, ты шапочку взял с собой?

— Взял.

— А то она нашла в коридоре и волнуется.

Я посмотрел на сумку. Свою шапочку я действительно забыл; в бассейне пришлось купить другую.

— Это старая. У меня новая.

Из трубки донеслось Лерино:

— Пусть не покупает больше! Они же одинаковые!

— Передайте ей, что я слишком поздно об этом узнал.

Софья смотрела в окно, пока я разговаривал. После звонка спросила:

— Вам пора?

Мне было пора. Я хотел посидеть еще.

— Еще десять минут.

— Тогда расскажите, как выглядит лифт, который слишком задумчиво останавливается.

Оказалось, я уже успел рассказать ей про тот вызов.

Мы вышли, когда девушка за стойкой начала выключать свет. На улице было прохладно. Софья подняла воротник.

— Подвезу?

— Мне до магазина. Пойду пешком.

Я кивнул и сразу почувствовал неловкость. Будто она отказала не от поездки, а от чего-то, чего я еще не успел предложить.

— До следующей среды? — спросила она.

— Будете плавать?

— Если вы обещаете не соревноваться с детьми.

— Ничего обещать не могу. Он первым начал.

Она улыбнулась, пошла к переходу и обернулась уже возле светофора:

— Спасибо за пирог.

Я стоял у машины, пока не загорелся зеленый.

Дома Лера изучала новую шапочку и ворчала, что у нас теперь ненужные расходы. Я согласился с замечанием, убрал шапочку в сумку и впервые за долгое время заранее подумал, какой будет следующая неделя.

Глава 4. Обычный мужчина

Во вторую среду я знал, сколько кругов проплывает Софья до короткого отдыха, и старался смотреть на часы, когда она снимала очки.

В третью спросил, свободна ли она в субботу.

Софья как раз натягивала куртку.

— В какую часть субботы?

— Вечером.

— Зависит от предложения.

Я держал пакет со шлепанцами и мокрым полотенцем. Более подходящей обстановки для приглашения на свидание можно было и дождаться.

— Поужинать. Без ограничения до восьми.

Она провела молнию вверх, потом опустила на несколько сантиметров.

— Это хорошее предложение.

Я позвонил Тамаре Ильиничне, когда вышел на улицу. Лера иногда оставалась у нее с ночевкой, особенно если они собирались утром печь блины или идти на рынок. На эту субботу ничего не было запланировано.

— Мне нужно уехать на вечер, — сказал я.

— По работе?

— Нет.

В трубке стало тихо.

Я слышал телевизор и отдаленный стук посуды. Мне захотелось добавить какое-нибудь объяснение. Что это ненадолго. Что ничего особенного. Что она все не так поняла, хотя Тамара Ильинична еще ничего не сказала.

— Приводи после обеда, — ответила она наконец. — Лера давно обещала со мной разобрать книжный шкаф.

— Спасибо.

— Глеб.

— Да?

— Только скажи заранее, когда заберешь. А то она будет ждать.

Я пообещал приехать в воскресенье к одиннадцати.

Лера приняла известие спокойно. Спросила только, можно ли взять камеру. Я напомнил про зарядку, а она посмотрела на меня с усталостью человека, которому объясняют очевидное.

В субботу я дважды сменил рубашку.

Первая оказалась слишком похожей на рабочую. Вторая имела складку поперек живота. Третью я купил еще при Даше, на чей-то юбилей, и обнаружил, что застегивается она хуже, чем помнилось.

Я позвонил Роману.

— Черная рубашка — нормально?

— На какой объект?

— На ужин.

Он помолчал.

— Ты издеваешься?

— Забудь.

— Не вздумай класть телефон. Ужин с человеком или в контейнере?

Через пять минут я узнал о своем внешнем виде все, чего не хотел знать, а Роман — о Софье ровно столько, сколько позволил я.

— Цветы будешь брать? — спросил он.

— Еще не решил.

— Возьми немного. А то у тебя получается как со всем остальным: или ничего, или сразу новый двигатель.

Я купил пять небольших хризантем. В магазине мне предложили обернуть их в три слоя бумаги, но я попросил оставить один.

Софья вышла из подъезда в темно-синем пальто и остановилась, увидев букет.

— Это мне?

Я посмотрел на цветы.

— Теперь уже неудобно сказать, что другой соседке.

Она засмеялась. Взяла их обеими руками, понюхала и подняла на меня глаза. Я почувствовал себя настолько довольным, что сразу решил убрать это с лица.

В ресторан мы пошли пешком. Я выбрал место с небольшими столами, где музыка не заглушала разговор. Подготовился так тщательно, будто мне предстоял экзамен.

Софья заметила мою серьезность.

— Глеб, вы сейчас спросите про аллергию или про планы на жизнь?

— Сначала про аллергию.

— Нет.

— Отлично. Дальше пока не готов.

Она сняла пальто. Под ним было простое темное платье. Когда она убирала волосы за ухо, я увидел тонкую полоску кожи у шеи и забыл, какое блюдо собирался предложить.

— Вам помочь выбрать? — спросила Софья.

Я честно ответил, что да.

За ужином мы говорили о городе, о работе, о людях, которые на любой вопрос отвечают голосовыми сообщениями. Софья призналась, что сама иногда записывает, а потом удаляет и печатает текст, потому что не может слушать собственные «ну».

— У вас их почти нет, — сказал я.

— Откуда вы знаете?

— Вы же мне звоните.

Она улыбнулась, и я впервые за вечер перестал думать, все ли делаю правильно.

Мы вышли из ресторана в десять. Я предложил пройтись. Софья согласилась сразу.

Она рассказала о человеке, с которым прожила почти пять лет. Не называла его плохим, не перечисляла обвинений. Сказала только, что они долго готовились к жизни, которая все не начиналась.

— В следующем году переедем. После проекта съездим. Когда будет спокойнее, познакомлю с друзьями. Сначала я верила. Потом просто перестала спрашивать.

— Он не хотел?

— Наверное, хотел именно так. Я не сразу поняла, что могу хотеть иначе.

Мы шли рядом, и рука Софьи иногда касалась моей. Я мог взять ее за ладонь. Смотрел на мокрую дорожку и искал, что еще спросить.

— Вы часто говорите о Даше? — спросила она.

Я остановился.

— Нет.

Софья тоже остановилась.

— Со мной можно, если хочется.

Я опустил глаза. Ее ботинки были в мелких каплях, на подоле пальто темнела узкая полоса.

— А если не хочется?

— Тогда не надо.

Мне стало легче от того, что это оказался настоящий выбор.

У подъезда я все-таки взял ее за руку. Она не убрала ладонь. Несколько минут мы так и стояли, не поднимаясь к себе.

— Спасибо за вечер, — сказала она.

— Тебе спасибо.

«Тебе» получилось само. Софья заметила и чуть крепче

сжала мои пальцы.

В лифте мы доехали до третьего. Я вышел. Она осталась внутри, придерживая букет у груди.

— Спокойной ночи, Глеб.

Я мог подняться с ней до пятого, мог сказать что-то еще. Вместо этого пожелал спокойной ночи и дождался, пока двери закроются.

В квартире было тихо. Ни школьного рюкзака посреди коридора, ни звука воды из ванной. Я повесил пальто и проверил телефон. От Тамары Ильиничны пришла фотография: Лера спала, отвернувшись от объектива, на полу лежала раскрытая книга.

Я написал спасибо.

Потом получил сообщение от Софьи:

«Цветы в воде. Пальцы тоже согрелись».

Я посмотрел на собственную ладонь и улыбнулся.

Утром встал раньше будильника. Успел вымыть пол, сходить за хлебом и все равно приехал к Тамаре Ильиничне на двадцать минут раньше.

Лера сидела в пижаме перед тарелкой блинов.

— Ты чего так рано?

— Соскучился.

Она подвинула мне край стула.

— Тогда садись. Бабушка много сделала.

Я сел рядом, ел остывший блин и рассказывал, что вечером гулял по набережной. Лера спросила, один ли.

— Со знакомой, — ответил я.

Тамара Ильинична подняла глаза от плиты. Я сделал вид, что не заметил.

— А, — сказала Лера и потянулась за вареньем.

Мне показалось, что все прошло хорошо.

Глава 5. Третья чашка

Через неделю я купил чай, который нравился Софье.

В магазин шел за хлебом, яйцами и пакетом для мусора. Возле полки с чаем остановился, вспомнил ее замечание о бергамоте и десять минут читал одинаковые коробки. Про мусорные пакеты вспомнил уже дома.

Лера заметила покупку сразу.

— Ты же такой не пьешь.

— Попробую.

Она покрутила коробку.

— Бабушка говорит, от него духами пахнет.

— Бабушка его не покупает. А я купил.

Дочь пожала плечами, достала хлеб и принялась рассказывать, что Улю пересадили на первую парту. Я слушал вполуха, потому что телефон в кармане дважды коротко завибрировал.

Софья спрашивала, не хочу ли я пройтись вечером.

Я не мог. У Леры в понедельник была контрольная, и мы договорились разобрать задачи. Можно было ответить сразу, но я ждал момента, когда дочь отвернется. Эта маленькая тайна почему-то делала обыкновенное сообщение похожим на поступок, который требовалось прятать.

«Сегодня дома. Математика».

Софья прислала картинку с измученным котом и написа-

ла:

«Сочувствую обоим. Тогда завтра созвонимся».

Я улыбнулся.

— Что там? — спросила Лера.

— Ничего.

— Ты смеешься.

— Картинка.

— Покажи.

Я протянул телефон. Ничего опасного в коте не было. Лера посмотрела, хмыкнула, потом прочитала имя над сообщением.

— Это которая ключи нашла?

— Да.

— А почему она тебе картинки присылает?

Я взял телефон.

— Общаемся. Она же соседка.

— Ты с дядей Сашей со второго не общаешься.

— Мы с ним редко видимся.

Это было правдой. Но Саше я не писал по вечерам и не искал повода лишний раз зайти.

Лера налила себе воды и ушла в комнату. Я поставил чай в шкаф, за старую банку с печеньем, хотя места впереди было достаточно.

В воскресенье днем к нам пришли Уля с мамой. Девочки хотели выбрать фотографии для школьной стенгазеты, а мы собирались выпить кофе, пока они спорят о голубях. Улина

мама, Оксана, работала в аптеке и всегда выглядела так, будто только что досчитала чужие ошибки и теперь собирается немного отдохнуть от людей.

— Глеб, у тебя тут прямо уют, — сказала она, оглядывая кухню.

Я посмотрел на чистую плиту, занавеску и две засохшие крошки у хлебницы.

— Стараемся.

— Я бы одна с ребенком так не могла.

Она, вероятно, хотела сказать что-то хорошее. Я слышал это столько раз, что научился кивать, не разбирая продолжения.

Из комнаты донесся Лерин голос:

— Мама раньше тут цветы ставила.

Я замер с кофейником в руке.

Оксана посмотрела на подоконник.

— Красиво, наверное, было.

— Было, — ответила Лера.

Она стояла в дверях и смотрела на банку, в которой лежали карандаши.

Я сразу захотел оправдаться. Часть Дашиных цветов засохла еще в первое лето, когда мы часто уезжали к Тамаре Ильиничне и возвращались только за одеждой. Некоторые забрала соседка. Один горшок я долго пытался выходить, потом все-таки выбросил.

— Можно новые купить, — сказал я.

Лера вернулась к Уле.

Оксана перевела разговор на школу. Я был ей благодарен и одновременно злился, что теперь будет о чем подумать еще одному человеку.

Вечером Лера предложила поставить на подоконник рассаду. Я напомнил, что октябрь.

— Ну и что? Мы не на улицу.

— Давай узнаем, что можно.

— Ты опять потом скажешь?

Мне стало неприятно.

— Лер, я сейчас разговариваю.

— Я тоже.

Мы посмотрели друг на друга. Она первая отвела глаза. Я хотел позвать ее обратно, но у меня зазвонил рабочий телефон.

Софья позвонила, когда Лера уже легла. Я вышел на лестницу, чтобы не мешать дочери. Софья открыла дверь на пятом этаже.

— А вот ты где.

Я поднялся. В ее квартире пахло свежим хлебом и краской от недавно собранного стеллажа. В коридоре стояли две коробки, на полу лежала отвертка.

— Не справляешься? — спросил я.

— Справляюсь. Просто медленно.

Я все равно присел, посмотрел на крепления.

— Тут можно иначе.

— Можно, — согласилась Софья. — Но я сейчас не про стеллаж хотела.

Я встал.

Она смотрела на меня без улыбки.

— Ты все время думаешь, что пришел что-то починить?

— Наверное.

Софья подошла, взяла у меня отвертку, которую я успел поднять, и положила на коробку.

— Посиди со мной.

Мы пили чай за маленьким столом. Мне попалась чашка с желтой полосой, ей — белая с отбитой ручкой. Она держала ее за стенки, будто так и было задумано.

Я спросил, почему она не купит новую.

— Эта с переезда осталась. Привыкла.

Я подумал о коробке наверху шкафа и не стал ничего советовать.

Спустился домой через полчаса. На кухне в шкафу стояли две наши обычные чашки и старая Дашина, которую давно никто не брал. Я достал третью, гостевую, без рисунка, поставил рядом с чайником.

Утром Лера спросила:

— Кто у нас был?

— Никто.

— А зачем три?

Я посмотрел на чашки. Вопрос был простой, ответ тоже мог быть простым.

— Одну не убрал.
Лера молча переставила гостевую чашку в шкаф.

Глава 6. То, что я не рассказывал

Вечером после работы я встретил Софью у перехода. Она стояла под козырьком магазина и отряхивала с сумки мелкие капли.

— В прогнозе было сухо, — сказала она.

— Он для другого города.

— Там написано «Псков».

— Для другого Пскова.

Мы пошли к машине. Лера оставалась у бабушки до девяти: у Тамары Ильиничны ночевала сестра, приехавшая из Великих Лук, и дочь с удовольствием участвовала в разборе семейных новостей. Я обещал забрать ее после ужина.

У нас с Софьей было три часа.

Я привез ее домой, поднялся вслед за ней и впервые перестал делать вид, что у меня есть отдельное дело в ее квартире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.